

“карьеру меня не беспокоит”

Томас Винтерберг — Газете

Вундеркинд из Дании — самый молодой выпускник копенгагенской киношколы за все время ее существования, близкий друг Ларса фон Триера, соавтор манифеста «Догмы» и автор победоносного «Торжества» — Томас Винтерберг вернулся с новым фильмом. В Берлине с Томасом Винтербергом встретился Антон Долин.

Какво было после столь внушительного успеха «Торжества» забыть о «Догме» и снять что-то противоположное?

Хотелось бы прогрессировать, а не деградировать. «Догма» приносила мне радость, она многому меня научила, но и я немало ей отдал. Этого вполне достаточно. Хотелось попробовать что-то новое. Повторять сделанное кажется мне чем-то ужасным, вызывающим клаустрофобию. Я недоумеваю, почему люди так удивлены, что я остался «Догму». Но я расправился с ней на все сто процентов.

Почему ни один из режиссеров «Догмы» не сделал больше одного «догма-фильма»?

Точно по тем же причинам, что и я. «Догма» — это разовый опыт, который остается с тобой на всю жизнь. Это очищающий процесс. Ты освобождаешь свой фильм от всего лишнего, и он остается обнаженным. А потом тебе доставляют особенное удовольствие хороший грим, профессионально поставленный свет и многое другое. Ты учишься заново это ценить. Каждому режиссеру я бы посоветовал снять «догма-фильм».

«Все о любви» производит впечатление видения, максимально удаленного от реальности...

Я бы сказал, что это фильм-сон или фильм-стихотворение. Именно поэтому «Все о любви» с его масштабами и размахом оказался куда более хрупким и уязвимым фильмом, чем «Торжество». Такой сильной, агрессивной, защищающей саму себя структуры в нем нет. Это более болезненный и беззащитный фильм.

Почему фильм называется «Все о любви»? Он кажется скорее историей конца света.

Не могу с вами согласиться. Конечно, здесь не только история любви, но название мне нравится. В контексте фильма у него есть значение, и оно поднимает важные вопросы. Верю в западную цивилизацию,

я ее часть, но мне кажется, что, постоянно куда-то торопясь, мы обретаем нечто новое, но слишком многого лишаемся. Мы все время спешим куда-то, но если остановиться, то можно почувствовать близость с другими людьми. Эта близость и есть любовь, о которой я снял фильм и за которую многие из нас готовы отдать жизнь.

Ваш фильм очень далек от Дании — действие происходит в Нью-Йорке, временами переносится в Уганду или на крайний север, есть даже упоминания о Москве и Санкт-Петербурге.

Мы хотели противоречить «Догме» и сделать кино обо всем мире. Хотя, поверьте, продюсеры задали мне тот же вопрос: на кой черт все эти путешествия? Я им ответил то же самое.

Откуда взялась идея сделать фильм, действие которого будет происходить понемногу во всем мире?

На премьеры «Торжества» я летал в самые разные, в том числе далекие страны, я буквально не слезал с самолета. Токио, Лос-Анджелес... Я почувствовал себя частью международного сообщества, которое живет повсюду: например, здесь, рядом, в фестивальных коридорах. Я понял, что не я единственный постоянно перемещаюсь, но так живут практически все. И тогда я решил написать об этом сценарий и снять фильм. Меня поразило чувство одиночества, которое меня преследовало.

Путешествуя, по семье скучали?

Очень, особенно мне не хватало детей. Моя жена — театральный режиссер, она постоянно занята, а тут еще и я начал путешествовать. Теперь я лучше могу оценить, что такое собственный дом и семья. Я вообще-то очень семейственный человек. Но теперь я провожу дома немало времени, потому что кто-то же должен сидеть с детьми. Приходится брать отпуск, и это просто здорово.

Вы собираетесь еще снимать в Дании?

Конечно, непременно надо будет сделать фильм на датском языке. Я не думаю о карьере, она меня не беспокоит. Все эти независимые картины, снятые молодыми многообещающими режиссерами, производят печальное впечатление — они как бы заполняют форму, чтобы получить право попасть в Голливуд, стать частью его системы. Не хочу для себя такой же судьбы, хотя порой звучит это соблазнительно. Карьера — это как лотерея, всерьез надеяться на нее нельзя.